

Глава 3

В последние дни Цзянь Хуай вновь почти не выходил из своих покоев. Время тянулось однообразно и тоскливо.

Возможно, дело было в характере, а быть может — в безграничной уверенности, что они смогут обеспечить сыну безбедное существование до конца его дней, но Кеннет и Лилиан больше не пытались на него давить. К единственному наследнику у них не осталось иных требований, кроме одного: быть счастливым. Если Цзянь Хуай чего-то не хотел, его никогда не принуждали. За долгие годы они перепробовали множество способов расшевелить его, но нрав юноши оставался неизменным.

Теперь родители лишь надеялись, что их одинокий по натуре сын будет здоров и избавлен от лишних тревог. Для них радость Нила значила больше всего на свете, а семейных богатств хватило бы на десять жизней.

Впрочем, под сенью этой безграничной, почти слепой любви Цзянь Хуай не стал ни лучше, ни хуже. Он жил подобно прекрасной кукле, почти не соприкасаясь с реальностью, словно запертый в собственном вымышленном мире. Юноша никогда не появлялся в обществе и до сих пор почти никого не знал; даже друзья Кунтина порой принимали его за очередного фаворита своего приятеля.

— Малыш.

Лилиан вошла в столовую. На ней было длинное платье из восточного шелка, чья струящаяся ткань мягко подчеркивала изящный силуэт. По подолу распускались искусно вышитые цветы, придавая её облику особую элегантность. Годы не коснулись её красоты — лицо оставалось таким же нежным, как и много лет назад, лишь взгляд стал глубже и мудрее.

Она посмотрела на сына глазами, чистыми и прозрачными, словно лазурные озера.

— Малыш, ты совсем ничего не ешь.

Её тонкие пальцы умело орудовали ножом и вилкой. Острое серебряное лезвие скользило по сочному стейку, обнажая нежно-розовую мякоть.

Кеннет уехал по делам, и вот уже десять дней Лилиан видела, как её сын увядает в одиночестве, не покидая поместья. Она нарезала мясо на маленькие кусочки, пододвинула тарелку сыну и, опершись подбородком на ладонь, мягко и выжидающе посмотрела на него.

Цзянь Хуай, едва притронувшись к запеченному картофелю и сосискам, уже собирался отложить приборы, но, заметив взгляд матери, молча взял чистую вилку и принялся за еду. Лилиан с удовлетворением наблюдала за ним. Когда тарелка опустела, она негромко спросила:

— Нил, малыш, не составишь ли ты компанию своей матери? Я бы хотела немного прогуляться.

Она говорила осторожно, словно боясь спугнуть его.

— В наш город приехали художники из Восточных Земель. Они привезли редкие коллекции и выставили их в Рио. Тебе ведь всегда нравилось восточное искусство, правда? Пойдем посмотрим, хорошо?

Все, что приходило из Восточных Земель, всегда вызывало у Цзянь Хуая странное чувство узнавания. Глядя в полные надежды голубые глаза матери — такие же, как у него самого, — он тихо кивнул.

Лилиан, точно маленькая девочка, радостно вскочила и закружилась, расправив подол платья. Она подошла к сыну, ласково взяла его лицо в ладони и звонко поцеловала в щеку.

— Спасибо, мой дорогой.

От неё пахло нежным, согревающим ароматом маргариток и летнего солнца. Этот запах был таким уютным, что невольно хотелось закрыть глаза и поддаться ленивой неге.

Белая карета с фамильным гербом Кеннетов катилась по оживленным улицам к самому сердцу столицы — Большому дворцу Рио, признанному храму искусств Королевства Западных Земель. Когда-то это была королевская резиденция, но нынешний монарх, старый и милосердный король, всей душой любил прекрасное. Собрав за жизнь бесчисленное множество сокровищ, он не пожелал скрывать их от мира. Король переехал в загородный дворец, а Большой дворец Рио сделал открытым для публики. Теперь здесь проходили выставки и аукционы для знати.

Династия Рио правила уже пять поколений. И неважно, кто стоял у руля — мудрые благодетели или жестокие тираны вроде нынешнего Рио V — все они неизменно хранили уважение к искусству. Благодаря этому Королевство Западных Земель стало землей обетованной для творцов.

Цзянь Хуай замер перед картиной, написанной в технике восточной туши.

В углу полотна темнели увядшие цветы. Их поникшие лепестки казались смятыми, изломанными, словно чья-то рука небрежно растерла их в пыль. Чуть поодаль раскинулось целое море алых бутонов, но в их цвете не было жизни — лишь обреченность. Тяжелые капли дождя пригибали их к самой земле, втаптывая в мягкую грязь.

Небо на картине было густым, иссиня-черным. Мрачные тени захватили почти всё пространство холста, и в этом вязком болоте тьмы тонули слабые отблески света, безжалостно поглощаемые тучами. Казалось, еще мгновение — и мир окончательно погрузится в первозданный мрак, не оставив места ни единому цветку.

Свет был до жалости слабым.

— Тебе нравится эта картина?

Цзяи бесшумно возник за спиной Цзянь Хуая. Он долго наблюдал, как юноша неподвижно стоит перед полотном, и наконец решился заговорить. Цзянь Хуай даже не вздрогнул, словно ожидал его появления.

— Не знаю, — едва слышно ответил он. — Тьма давит, но в ней безопасно. Если нет света, не видишь и того, как всё рушится.

Цзяи стоял так близко, что Цзянь Хуай чувствовал исходящее от него тепло и горячее дыхание у самого уха.

— Среди грязи и нечистот расцвело море цветов, — заговорил Цзяи низким, чуть хриплым голосом. — Они так прекрасны, что становится страшно: вдруг их запятнает ил или прибьет дождем? Хочется сорвать их, унести в тепло, укрыть от любой беды... но в итоге только ранишь руки об их шипы.

Голос Цзяи звучал глухо и надтреснуто. Цзянь Хуай знал, почему: когда того только привезли в дом Эдгаров, Кунтин приказал слугам прижать его к земле и заливать в глотку кипятком, чашку за чашкой.

Цзяи едва не погиб, его спасли чудом, но боль была такой, что он метался в конвульсиях, не в силах вырваться из хватки дюжих рабов. Горло его обгорело, и на долгие годы он почти лишился речи. В доме Эдгаров его считали немым и не раз пытались выставить вон.

В те времена Кунтин часто приглашал Цзянь Хуая, чтобы тот потешился, глядя на унижения «песика». Для Кунтина Цзяи был лишь забавной игрушкой, чьими страданиями он спешил поделиться со своим дорогим Нилом.

Тогда в прозрачном окне системы постоянно всплывали варианты выбора. Цзянь Хуай, не до конца понимая правила игры, выбирал наугад: то спасал Цзяи, то оставался безучастным, наблюдая за его мучениями.

Прошедший через горнило ада, Цзяи вырос и стал тем, кем был сейчас. В нем не осталось и следа от того забитого мальчишки. Когда Цзянь Хуай обернулся, Цзяи уже уходил. Свет, льющийся сквозь массивные золоченые двери дворца, поглотил его высокую, статную фигуру.

Лилиан встретила на выставке старых знакомых и получила приглашение на чаепитие. Цзянь Хуай, не желая участвовать в светских сплетнях, решил вернуться домой один. Однако по пути случилась беда.

Улицы кипели жизнью: торговцы зазывали покупателей, а маленький нищий, пойманный на краже, пытался вырваться из рук разъяренной толпы. Оглушенный побоями, ребенок бросился наутек и угодил прямо под колеса проезжающей кареты. Экипаж Цзянь Хуая резко остановился.

Снаружи послышался голос стражника:

— Господин Нил, воришка угодил под карету, когда убегал от лавочника.

— Прошу вас, милостивый господин, спасите! — ребенок вцепился в подножку, из последних сил шепча слова прежде, чем потерять сознание. — Мама... она умирает. Если я не вернусь, она... Прошу вас!

Перед глазами Цзянь Хуая вспыхнуло системное сообщение:

[Вор — десятилетний ребенок. Его мать тяжело больна, в доме нет ни гроша, она умирает от голода. Мальчик пошел на кражу от отчаяния и в суматохе попал под карету аристократа Нила Кеннета]

[Дорогой Нил, твой выбор...]

[Вариант выбора 1: Лично разрешить возникшие трудности]

[Вариант выбора 2: Отдать ребенка на растерзание разъяренному лавочнику]

[Вариант выбора 3: Передать его в распоряжение инквизиции — за кражу полагается кара]

Возможно, встреча с Цзяи всколыхнула старые тени. Цзянь Хуай вспомнил, как когда-то Цзяи умолял Кунтина вызвать врача для своей матери. Он был лишь непризнанным бастардом, не умел говорить и не имел ни гроша. Он стоял на коленях, потеряв всякое достоинство, но Кунтин лишь рассмеялся в ответ.

Тогда перед Цзянь Хуаем тоже было три пути: попросить за него Кунтина, помочь тайно или просто смотреть. И он, вечно холодный и отстраненный, вдруг почувствовал странное, незнакомое прежде стеснение в груди. Необъяснимый порыв заставил его нажать на кнопку помощи.

Тогда Кунтин запер Цзяи, наслаждаясь тем, что его мать — любовница, когда-то соблазбившая главу рода — брошена всеми и умирает в неизвестности. Он даже не потрудился проверить, жива ли она. Для него это была лишь отыгранная карта.

Кунтину нравилось изводить мальчишку, глядя, как тот бессильно бьется в его руках. А Цзянь

Хуай тем временем отправил слуг, деньги и врачей к той женщине. Как только ей стало легче, его люди исчезли так же внезапно, как и появились. Цзяи же, запертый в комнате, едва не сошел с ума от неизвестности. Позже, за попытку побега, ему сломали ногу.

Видение рассеялось. Цзянь Хуай быстро принял решение. Он прекрасно понимал: если отдать ребенка страже или лавочнику, цена будет слишком велика. За кражу мальчишке отрубят пальцы. Кем станет калека в этом жестоком мире? А его мать точно не дождетя помощи.

Цзянь Хуай велел слуге выплатить лавочнику компенсацию, а ребенка занести в карету. Мальчик был без сознания, по его лбу струилась кровь.

Дома семейный врач занялся ранами найденыша. Ребенок в белоснежных бинтах на голове казался совсем крошечным. Цзянь Хуай, бросив на него мимолетный взгляд, вышел из комнаты, оставив слугу присматривать за ним.

Вскоре мальчик пришел в себя. Он умолял о встрече со своим спасителем. Как только Цзянь Хуай вошел, ребенок скатился с кровати и попытался обхватить его ноги, но стражник тут же грубо оттолкнул его.

— Ты хочешь о чем-то меня попросить? — спросил Цзянь Хуай, глядя мальчику прямо в глаза.

Его голос, чистый и холодный, прозвучал в тишине комнаты ледяным острием. Ребенок, упавший на пол, поспешно поднялся на колени:

— Достопочтенный господин, благодарю вас за спасение Бека! Умоляю, спасите мою маму!

— Веди, — коротко бросил Цзянь Хуай.

Бек замер, не веря ушам. Он ожидал расспросов, подозрений, но никак не мгновенного согласия. Он смотрел на Цзянь Хуая широко распахнутыми глазами. Он лишь недовольно нахмурился, и в его синих глазах промелькнуло нетерпение:

— Живее, пока я не передумал.

— Да... да, господин Нил! Спасибо! Огромное спасибо! — голос Бека дрожал. Он почти не дышал, глядя на этого юношу — прекрасного, как небожитель, и холодного, словно лед.

Цзянь Хуай чувствовал неладное. На словах ребенок был полон благодарности, но в его жестах не было радости — лишь судорожный, животный страх. Мальчик прятал взгляд, его маленькие ручонки сплелись в тугий узел.

Чего же он так боялся?

Но правила игры нарушать нельзя — Цзянь Хуай усвоил это на горьком опыте. Раз уж он выбрал «личное участие», он обязан довести дело до конца, иначе система обрушит на него наказание. Он ненавидел это чувство утраты контроля. Где-то в глубине души заворчалась глухая ярость.

Цзянь Хуай велел снарядить карету и взять с собой верных стражников.

Экипаж въехал в трущобы. Здесь никогда не видели столь роскошных карет. Оборванные люди провожали их жадными взглядами, но, наткнувшись на суровых слуг, не смели подойти. Они лишь издали наблюдали за тем, как благородный господин ступает на их грязную землю.

— Пожалуйста, идите за мной, — прошептал Бек.

Он шел впереди, прихрамывая — побои лавочника давали о себе знать, несмотря на мази врача. Путь лежал через узкие, зловонные переулки мимо разваливающихся лачуг. Бек остановился у покосившегося строения, которое больше походило на свинарник, чем на жилье.

— Мы пришли.

Он замялся на пороге.

— Господин, может, вам не стоит входить? Пусть лучше врач посмотрит маму. У нас... у нас совсем нет денег, мы даже лампу почти не зажигаем, бережем масло.

Мальчик беспокойно переминался с ноги на ногу, его изможденное лицо окаменело. Цзянь Хуай молча смотрел на него. Он не выказал брезгливости, не поморщился от вони, хотя слуги за его спиной уже прикрывали носы платками.

Юноша лишь кивнул врачу, веля идти внутрь, и сам шагнул следом. Бек опустил голову, его пальцы сжались в кулаки.

— Господин, я зажгу огонь.

Мальчик чиркнул огнем. Желтое пламя с трудом разгорелось, пуская струйку едкого дыма. Бек поднес ржавый светильник к постели.

На грязном тряпье лежала женщина, высохшая, словно скелет. Её тусклые золотистые волосы спутались, бледное лицо казалось маской смерти, а сама она молила о глотке воды, шевеля потрескавшимися губами. Врач немедленно приступил к осмотру. Женщина была доведена до крайней степени истощения; обычная простуда свалила её, лишив сил бороться. Цзянь Хуай велел слугам немедленно отправить её в больницу на второй карете.

Бек остался. Он стоял, не выпуская из рук светильник, и не произносил ни слова.

— Тебе нужно что-то еще? — спросил Цзянь Хуай. — Говори сейчас.

Масло в лампе заканчивалось, огонек испуганно метался в темноте. Тяжелый запах гари повис в воздухе, становясь почти невыносимым.

— Нужны деньги... — пробормотал Бек. — Деньги, чтобы купить еду, когда мама вернется.

Голос его сорвался на шепот. Цзянь Хуай достал заранее приготовленный кошель — там было достаточно золота и серебра, чтобы обеспечить им безбедную жизнь на годы вперед. Бек протянул свои забинтованные ручонки, принимая дар.

В тот миг, когда лампа окончательно погасла, Бек вскинул голову. Цзянь Хуай увидел его детское лицо, блестящие от слез глаза и шевельнувшиеся губы. Мальчик что-то прошептал.

Но Цзянь Хуай не разобрал ни слова. Сознание внезапно подернулось дымкой. Перед глазами всё поплыло, накатила удушливая волна дурноты, словно почва ушла из-под ног.

Мир погрузился во тьму. Он лишился сил и тяжело закрыл глаза, скрыв их ледяную синеву.

<http://bllate.org/book/17462/1692196>